

УДК 343.45

DOI: 10.17223/22253513/40/4

Г.Г. Камалова

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ РЕЖИМА КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Исследованы состояние и перспективы уголовной ответственности за нарушения режима конфиденциальности охраняемой тайны на основе возможных неправомерных действий. Сделаны выводы о несоответствии положений уголовного закона России современным вызовам и угрозам, необходимости выделения экономического шпионажа и умышленного разглашения коммерческой тайны в отдельные составы, введения состава, охраняющего персональные данные, возможности декриминализации разглашения тайны усыновления.

Ключевые слова: информация ограниченного доступа; конфиденциальность; уголовная ответственность.

XXI век характеризуется главенствующей ролью информации в развитии общества. Принятая национальная Стратегия развития информационного общества¹ в числе основных принципов называет обеспечение прав граждан на доступ к информации, законности и разумной достаточности при сборе, накоплении и распространении информации, обеспечение защиты интересов граждан в информационной сфере. Усиление роли права на доступ к информации отмечается многими специалистами [1. Р. 120; 2. С. 18; 3. Р. 235], но оно не абсолютно.

В условиях масштабного внедрения информационно-коммуникационных технологий и глобальных интеграционных процессов новые вызовы и угрозы оказывают существенное влияние на безопасность личности, общества и государства, что акцентируется в Стратегии национальной безопасности РФ (п. 12)². Эффективное достижение интересов субъектов невозможно без развития режима конфиденциальности. Доктрина информационной безопасности РФ³ одним из направлений обеспечения информационной

¹ Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : утв. Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002?index=2&rangeSize=1>

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/51129>

³ Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460>

безопасности называет защиту государственной тайны и иной информации ограниченного доступа, что требует обеспечения ответственного поведения в этой сфере. Юридическая ответственность призвана гарантировать всестороннюю защиту интересов субъектов, законности и правопорядка, реализации конституционных прав и свобод. Возложение обязанности по соблюдению конфиденциальности сведений без наличия ответственности не имеет практического смысла, что не единожды отмечалось специалистами [4. С. 95, 98; 5. С. 159–160].

Вместе с тем уголовно-правовая охрана конфиденциальности в России реализуется несистемной совокупностью составов преступлений, которые условно делятся на неправомерное ограничение доступа к информации и несоблюдение порядка обращения со сведениями, отнесенными к охраняемой законом тайне и иной информации ограниченного доступа, и их носителями, включая использование в неправомерных целях. К первым относятся ответственность за отказ гражданину в предоставлении информации, злостное уклонение от раскрытия или предоставления сведений, сокрытие сведений, отказ в предоставлении информации (ст.ст. 140, 185.1, 237, 287, 308 Уголовного кодекса РФ¹), которые в той или иной мере препятствуют отнесению сведений к тайне и направлены на обеспечение транспортной, а ко вторым – составы, обеспечивающие охрану конфиденциальности в режиме охраняемых законом тайн. Указанные составы локализованы в различных главах данного кодекса. Это же, как справедливо отмечают исследователи, характерно и для более общего случая – обеспечения уголовно-правовыми средствами национальной информационной безопасности. М.А. Ефремова отмечает, что «становление информационного общества в России требует переосмысления иерархии охраняемых уголовным законом общественных отношений» [6. С. 224], что, полагаем, должно сказаться и на размещении составов преступлений, направленных на обеспечение конфиденциальности.

Несомненно, существенное место в уголовном законе занимает охрана государственной тайны (п. «б» ч. 2 ст. 215.4, ст.ст. 275, 276, 283, 283.1, 284 Уголовного кодекса РФ). В России криминализированы шпионаж, выдача государственной тайны иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям лицом, которому эти сведения доверены или стали известны по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством России, получение секретных сведений незаконным способом, утрата имеющим допуск лицом документов, содержащих государственную тайну, или предметов, сведения о которых составляют эту тайну, в результате нарушения им установленных правил обращения с данными объектами. В ситуациях, когда сведения в военной сфере и экономике не признаны охраняемой законом государственной тайной, могут применяться ст.ст. 189 и 226.1 Уголовного кодекса РФ, что су-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.04.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

щественно расширяет рамки уголовно-правовой охраны сведений, разглашение которых может повлечь ущерб национальной безопасности.

Установление уголовной ответственности за нарушение режима государственной тайны характерно для большинства государств и связано с обеспечением национальной безопасности. Так, Уголовный кодекс Турции¹ предусматривает ответственность лица, уничтожившего, повредившего или использовавшего не по назначению и похитившего документы, связанные с безопасностью или международными интересами Турции, добывавшего сведения, подлежащие сохранению в тайне по соображениям безопасности для защиты государственных интересов, а также раскрывшее сведения, разглашение и опубликование которых запрещено уполномоченными органами (ст.ст. 132–137). Уголовный кодекс Испании² предусматривает ответственность гражданина, добывающего или раскрывающего секретную либо закрытую информацию, если это может нанести ущерб национальной безопасности, иностранному государству, международной ассоциации или организации (ст. 584), а также лица, оказывающего содействие иностранному государству посредством добывания, выдачи, искажения и уничтожения информации, охраняемой законом как секретная либо закрытая и связанной с обеспечением национальной безопасности, обороны или техническими приемами и системами Вооруженных Сил и военной промышленности (ст. 598).

Широкий круг составов, направленных на охрану государственных секретов, характерен для Германии³, где предусмотрено наказание за сообщение государственной тайны иностранному государству или его представителю, публичное оглашение или иное доведение до неправомочного лица в ущерб безопасности Германии, создавшее опасность причинения тяжкого ущерба внешней безопасности государства (§ 94), разглашение этой тайны неправомочному лицу или общественности, создавшее опасность причинения значительного ущерба внешней безопасности (§ 95), ее выведывание в целях выдачи или разглашения (§ 96), выдачу неправомочному лицу или общественности, когда создается опасность причинения серьезного ущерба внешней безопасности (§ 97). Уголовно наказуемым также является разглашение сведений, не являющихся государственной тайной, иностранному государству или его представителю, если это создает опасность нанесения тяжкого ущерба внешней безопасности Германии (§ 97a, 97b). Отдельными составами в Германии выделены агентурная деятельность в пользу иностранного государства (§ 98, 99) и разведывательная деятельность, осуществляемая для определенной службы, партии и объединения, создающая

¹ Уголовный кодекс Турции / пер. с тур. Н. Сафарова, Х. Бабаева. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003.

² Уголовный кодекс Испании / пер. В.П. Завьяловой, Л.Г. Шнайдер. М. : Зерцало, 1998.

³ Strafgesetzbuch (StGB) vom 15.05.1871 in der Fassung der Bekanntmachung vom 13.11.1998 (BGBl. I S 3322), das zuletzt durch Artikel 1 des Gesetzes vom 23.04.2014 (BGBl. I S 410) geändert worden ist (RGBl, S. 127).

угрозу безопасности, если собираются сведения, относящиеся к сфере обороны, или вербовка для деятельности против безопасности Германии или военной мощи бундесвера (109f).

Агентурная деятельность как наказуемое сотрудничество иностранного гражданина или лица без гражданства на конфиденциальной основе со спецслужбой, органом безопасности или разведки иностранного государства, иностранной или международной организации представлена и в уголовных кодексах на постсоветском пространстве, например Республики Беларусь (ст. 358¹).

Анализ законодательства иностранных государств позволяет установить, что спецификой уголовного законодательства многих из них являются использование более общих формулировок («сведения, имеющие отношение к национальной безопасности», «информация, не подлежащая разглашению» и т.д.) и отсутствие привязки к конкретному виду тайны. Указанная особенность, с одной стороны, позволяет гибче применять уголовное наказание за деяния, угрожающие национальной безопасности, но с другой – таит в себе опасность произвола и поэтому, думается, нежелательна для российского уголовного закона.

К.О. Папеева отмечает, что при установлении ответственности за государственную измену при общем сходстве состава преступления в государствах, имеющих даже общее прошлое, выделяется разный объект посягательства. Так, в ст. 337 Уголовного кодекса Молдовы² и ст. 111 Уголовного кодекса Украины³ объект – территориальная целостность, обороноспособность, неприкосновенность и государственная безопасность, а в ст. 356 Уголовного кодекса Республики Беларусь – национальная безопасность. Последнее ближе к пониманию, сформировавшемуся в России. Предмет преступления также может различаться. Уголовное законодательство Беларуси дополнительно к собственным государственным секретам включает переданные Беларуси секреты других государств, что ведет к возникновению коллизии применения уголовного закона в пространстве [7. С. 51–52]. Накопившиеся отличия законодательства на постсоветском пространстве в условиях интеграции ставят вопросы гармонизации уголовного законодательства на базе модельных кодексов.

Смежной с государственной тайной является служебная. Несмотря на то, что термин «служебная тайна» используется в нормах более сотни российских законодательных и подзаконных актов, федеральные законы не содержат его легального определения. Различающиеся дефиниции даются

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З (с изм. и доп. на 18.07.2017) // Информационные системы Параграф. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984#pos=0;0

² Уголовный кодекс Республики Молдова от 18.04.2002 № 985-XV // Законодательство стран СНГ. URL: [http://base.spininform.ru/show_doc.fw\[&rgn=3835](http://base.spininform.ru/show_doc.fw[&rgn=3835)

³ Уголовный кодекс Украины от 05.04.2001 № 2341-III // Законодательство стран СНГ. URL: [http://base.spininform.ru/show_doc.fw\[&rgn=8679](http://base.spininform.ru/show_doc.fw[&rgn=8679)

в Указе Президента РФ № 188¹ и Постановлении Правительства РФ № 1233², на основе которых традиционно формулируются признаки сведений, составляющих эту тайну; ключевое место среди них занимает получение служебных сведений в деятельности государственных и муниципальных органов.

Уголовное законодательство России позволяет выделить ряд составов, нацеленных на охрану конфиденциальности служебных сведений – налоговой тайны (ст. 183), сведений о мерах безопасности в отношении судьи, должностного лица правоохранительного или контролирующего органа (ст.ст. 311, 320), данных предварительного расследования (ст. 310). Кроме того, при уголовной охране конфиденциальности сведений законодатель нередко в качестве квалифицирующего признака использует формулировку «с использованием служебного положения» (ч. 2, 3 ст. 137, ч. 2 ст. 138, ч. 3 ст. 139, ч. 2 ст. 144, ч. 2 ст. 183). Дополнительно должностные лица органов государственного управления могут привлекаться к ответственности за использование служебных полномочий вопреки интересам службы (ст. 285), превышение должностных полномочий (ст. 286) и ненадлежащее исполнение или неисполнение обязанностей ввиду небрежного или недобросовестного отношения к службе (ст. 293), что создает возможность привлечения к уголовной ответственности за нарушение конфиденциальности служебных сведений в условиях отсутствия сформировавшегося правового режима служебной тайны и его определенной спорности. Таким образом, специфика охраны конфиденциальности служебных сведений российским уголовным законом заключается, с одной стороны, в обилии составов, применимых к нарушителям режима служебных сведений, а с другой – в отсутствии специального состава, направленного на охрану их правового режима, хотя подобный состав присутствовал в уголовном законодательстве России в определенные периоды [8. С. 143].

Уголовно-правовую охрану конфиденциальности сведений, полученных в деятельности публичных органов, можно видеть и в иностранном законодательстве. Так, Уголовный кодекс ФРГ устанавливает ответственность за нарушение тайны службы и специальной обязанности по неразглашению тайны, если она доверена или стала известна должностному лицу или специально уполномоченному на выполнение публичных обязанностей лицу или лицу, представляющему рабочих и служащих в государственных учреждениях, и создается угроза важным публичным интересам (§ 353b), а также охраняет сведения о судебном разбирательстве (§ 353d) и налоговую тайну (§ 355).

¹ Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера : указ Президента РФ от 06.03.1997 № 188 (ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 10. Ст. 1127.

² Об утверждении Положения о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти и уполномоченном органе управления использованием атомной энергии и уполномоченном органе по космической деятельности : постановление Правительства РФ от 03.11.1994 № 1233 (ред. от 18.03.2016) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3165.

Статья 417 Уголовного кодекса Испании устанавливает ответственность государственного служащего или должностного лица, раскрывшего тайну или сведения, полученные в силу занимаемой должности и не подлежащие разглашению, а ст. 418 – частного лица, использующего для личных целей или в интересах третьего лица тайну или исключительную информацию, полученную от должностного лица или государственного служащего. Статья 442 криминализирует деяния должностного лица или государственного служащего, использовавшего тайну, ставшую ему известной на основании служебных или профессиональных полномочий, или исключительную информацию с целью получения личной экономической выгоды или в аналогичных интересах третьих лиц.

Уголовное законодательство Австрии¹ устанавливает ответственность за нарушение тайны службы действующим или бывшим чиновником, разгласившим или выдавшим тайну, которая доверена ему в силу его служебного положения, если это может привести к нарушению публичных или частных интересов (§ 310). Уголовный кодекс Швейцарии² в разделе, посвященном должностным преступлениям, предусматривает наказание за неправомерное разглашение тайны должностным лицом, специально уполномоченным на выполнение публичных обязанностей (ст. 353), а также содержит наказание за нарушение тайны лицом, которому она была доверена как чиновнику или члену выборного органа или лицу в связи с должностным или служебным положением (ст. 320).

Сравнительный анализ позволяет говорить о достаточно всестороннем охвате охраны конфиденциальности служебных сведений в законодательстве ряда государств и признать соответствие в целом уголовно-правовой охраны служебных сведений в России общим тенденциям. Думается, что выделение специализированного состава, направленного на охрану конфиденциальности служебных сведений, в настоящее время преждевременно и должно опираться на признанную концептуально обоснованную модель правового регулирования служебной тайны, отсутствие которой подчеркивается исследователями [9]. Эта концепция, получив закрепление в российском законодательстве, явится предпосылкой обсуждения потребности в специализированном составе преступления.

Уголовный кодекс Испании, как и многих иных государств, отдельно выделяет тайну процессуальных действий, устанавливая ответственность специального субъекта – адвоката или прокурора, судьи, члена суда, секретаря суда, служащего судебной администрации или иного участника процесса, выдавшего тайну процессуальных действий, которые признаны судом секретными (ст. 466). Близкий по характеру состав содержит Уголовный кодекс Республики Беларусь (ст. 407), охраняющий данные дознания, предварительного следствия или закрытого судебного заседания. Российское уголовное законодательство значительно лаконичнее и ограничивается

¹ Уголовный кодекс Австрии : пер. с нем. М. : Зерцало-М, 2001. С. 127.

² Уголовный кодекс Швейцарии : пер. с нем. М. : Зерцало, 2000. С. 76.

положениями ст. 310, криминализирующей разглашение данных предварительного расследования лицом, предупрежденным о недопустимости их разглашения, при условии совершения деяния без согласия лица, производящего предварительное расследование. С одной стороны, анализируемый состав охватывает широкий круг субъектов и сформулирован с позиции юридической техники более совершенно, а с другой – не учитывает особенностей специального статуса адвоката, судьи и прокурора. Содержание правового статуса адвоката охватывает обязанность обеспечения конфиденциальности сведений, полученных в ходе адвокатской деятельности, вне зависимости от предупреждения о недопустимости разглашения данных предварительного расследования в режиме адвокатской тайны и использования их только в интересах клиента, а статуса прокурора или судьи – обеспечение конфиденциальности служебных сведений. При этом в рамках существующих формулировок ст. 310 Уголовного кодекса РФ их положение фактически приравнено к статусу свидетеля и потерпевшего, что видится не совсем верным.

Достаточно скромно в Российской Федерации выглядит уголовно-правовая охрана коммерческой тайны, которой посвящена ст. 183 Уголовного кодекса РФ, включающая дополнительно посяательства на налоговую и банковскую тайну. Замечание М.А. Ефремовой о нарушении здесь требований единства объекта уголовно-правовой охраны видится в отношении этой нормы весьма верным [10. С. 125]. Самостоятельность тайн подтверждается различием массива охраняемых сведений, их признаков, способов отнесения, характера правоотношений и иными значимыми факторами правовой охраны. Кроме того, эта статья объединяет два состава: незаконное собирание сведений посредством подкупа или угроз, хищения документов и иным незаконным способом, традиционно именуемое «экономическим шпионажем»; незаконное разглашение или использование сведений без согласия их обладателя. При этом законодатель при характеристике субъекта использует термин «владелец информации», в то время как Федеральный закон «О коммерческой тайне»¹ оперирует термином «обладатель коммерческой тайны», что представляется неравнозначным.

В последние годы в условиях всемирной глобализации экономики режиму коммерческой тайны придается особое значение [11–18]. Положения ст. 183 Уголовного кодекса РФ в аспекте охраны коммерческой тайны необходимо разделить по характеру деяния и конкретизировать в двух отдельных статьях, посвященных экономическому шпионажу и незаконному использованию и разглашению коммерчески ценной информации, что повысит эффективность правоприменительной практики. Уголовные кодексы ряда стран СНГ, вводящие ответственность отдельно за коммерческий шпионаж и умышленное разглашение банковской и коммерческой тайны (Уголовный кодекс Республики Беларусь (ст.ст. 254, 255), Уголовный ко-

¹ О коммерческой тайне : федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ (ред. от 18.04.2018) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 32. Ст. 3283.

декс Республики Таджикистан¹ (ст.ст. 277, 278), Уголовный кодекс Кыргызской Республики² (ст.ст. 193, 194)), следует рассматривать как позитивный пример для российского законодателя. В условиях необходимости повышения конкурентоспособности российской экономики на основе инновационных решений, развития высокотехнологичных бизнесов и построения цифровой экономики повышается значение обеспечения правового режима коммерческой тайны, что позволяет сделать вывод о необходимости совершенствования ее уголовно-правовой охраны и пересмотра сложившихся стереотипов.

Дополнительно следует отметить, что привлечение к уголовной ответственности за экономический шпионаж в России в настоящее время осложнено размытостью незаконности способа получения коммерчески ценной информации. Следует выработать и закрепить критерии правомерности получения сведений их обладателями по примеру актов Европейского Союза³, что позволит получить большую правовую определенность.

Следует обратить внимание, что уголовное законодательство других государств порой демонстрирует более детализированную охрану коммерческой тайны. Так, в Уголовном кодексе Испании криминализировано завладение сведениями, документами или носителями информации с целью раскрытия, разглашения, выдачи или уступки коммерческой тайны лицом, обязанным на основании закона или договора ее хранить (ст.ст. 278–280). Наказание предусмотрено в том числе для лица, знавшего о незаконном происхождении этой тайны.

При анализе ст. 183 Уголовного кодекса РФ представляет интерес подход казахского законодателя, который к уголовно наказуемым, помимо незаконного получения и разглашения банковской тайны, относит аналогичные действия в отношении сведений, составляющих тайну предоставления микрокредита, тайну коллекторской деятельности и информации, связанной с легализацией имущества, а также незаконное использование всех перечисленных сведений⁴, в то время как российское законодательство в целом не выделяет таких тайн. Думается, что в современных условиях необходимы дополнительные исследования данной проблемы в целях охраны прав, свобод и законных интересов граждан в финансово-эконо-

¹ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21.05.1998 № 574 (с изм. и доп. на 02.01.2018) // Информационные системы Парagraф. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325#pos=1308;-103

² Уголовный кодекс Кыргызской Республики (с изм. и доп. на 02.08.2017) // Информационные системы Парagraф. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30222833#pos=0;0

³ On the protection of undisclosed know-how and business information (trade secrets) against their unlawful acquisition, use and disclosure : Directive (EU) 2016/943 of The European Parliament and of The Council of 8 June 2016 // EUR-Lex. Access to European Union law. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32016L0943&rid=50>

⁴ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V (с изм. и доп. на 09.01.2018) // Информационные системы Парagraф. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252#pos=0;0

мической сфере в существующих условиях социально-экономических сложностей.

Не обошел вниманием российский законодатель и относительно новый вид информации ограниченного доступа – инсайдерскую информацию, уголовно-правовая охрана конфиденциальности которой базируется на ст.ст. 185.3 и 185.6 Уголовного кодекса РФ. Аналогичный состав преступления можно видеть в уголовном законодательстве многих государств. Например, в Уголовном кодексе Испании – непосредственное или через посредника использование информации, имеющей значение для котировки ценных бумаг или оборотных документов на рынке, к которой лицо имело доступ в связи с исполнением профессиональной или предпринимательской деятельности, при наличии причиненного ущерба в определенном законом размере (ст. 285).

Однако российское легальное определение инсайдерской информации позволяет ставить вопрос о конкуренции вышеуказанных статей и ст. 183 Уголовного кодекса РФ, так как коммерческая, налоговая и банковская тайна включены в состав инсайдерской информации ее нормой-дефиницией. С.И. Гутник отмечает, что «в будущем существование двух конкурирующих норм может породить проблему в правоприменении при квалификации деяний виновных лиц и назначении им, соответственно, наказания» и пишет: «Наличие в законодательстве двух норм, предусматривающих ответственность за распространение инсайдерской информации, создает ситуацию негативной избыточности» [19. С. 226]. В целом поддерживая высказанную позицию, нельзя обойти стороной недостаточность судебной практики для выявления возникающих проблем и столь категоричных выводов.

При отсутствии специального состава преступления, посвященного профессиональной тайне, в Уголовном кодексе РФ имеется несколько составов, в той или иной мере охватывающих ее виды: тайна связи (ст. 138), журналистская (ст. 144), банковская (ст. 183), нотариальная и аудиторская (ст. 202), частно-детективная (сыскная) тайна (ст. 203). При этом последнее из указанных составов сформулированы как злоупотребление субъектами профессиональной деятельности своими полномочиями.

Особо необходимо отметить, что тайна связи является одной из немногих профессиональных тайн, для которых непосредственно установлена уголовная ответственность за нарушение правового режима. Аналогичный подход характерен для большинства государств, и можно говорить о выработавшемся универсальном подходе. Так, Уголовный кодекс Германии предусматривает ответственность за вскрытие запечатанного письма или иного документа, не предназначенного для ознакомления, за ознакомление без вскрытия с применением технических средств (§ 202), за противоправное получение особо защищенных от незаконного доступа сведений, собираемых или передаваемых электронным, магнитным или иным непосредственно не воспринимаемым человеком способом, которые не предназначены для данного лица (§ 202а), за незаконную передачу сведений о фактах,

составляющих тайну связи, если они стали известны виновному в связи с осуществлением профессиональной почтовой или телекоммуникационной службы (§ 206).

Формулировка рассматриваемого состава преступления в российском уголовном законе оставляет открытым вопрос о потерпевшем, так как содержит указание на гражданина, что, как справедливо отмечает К.Р. Петросян, «нарушает принцип равной защиты частной жизни лица вне зависимости от факта принадлежности к гражданству». Она также пишет, что деяния, указанные в статье, не образуют состава данного преступления, если они совершены с согласия лица [20. С. 121]. С последним вряд ли возможно согласиться, так как «нарушение тайны» всегда происходит в нарушение интересов обладателя информации.

Исследовательский интерес представляют положения Уголовного кодекса Украины, который в ст. 163 наряду с нарушением тайны связи, осуществляемой традиционными способами, указывает тайну корреспонденции, передаваемой средствами связи или через компьютер. Необходимость и возможность включения аналогичных положений в российский уголовный закон требует специального изучения в условиях дискуссионности многих вопросов [21]. Вместе с тем развитие цифровых технологий и дискуссия вокруг «электронных сообщений» свидетельствуют о необходимости уточнения формулировки деяния для того, чтобы состав позволял охранять конфиденциальность не только традиционной связи, но и выполненной современными способами. Учитывая все большее распространение технологий мессенджеров и их популярность среди населения, это будет способствовать защите конституционных прав граждан.

Как уже было отмечено, особенностью российского уголовного закона является отсутствие специального состава, направленного на охрану профессиональной тайны. В некоторых государствах можно видеть иной подход. Так, ст.ст. 133 и 134 Уголовного кодекса Японии¹ предусматривают уголовную ответственность лица, беспричинно вскрывшего запечатанную корреспонденцию, а также ответственность врача, фармацевта, акушера, адвоката, нотариуса или иного лица, выполняющего или ранее выполнявшего эту деятельность, при беспричинной выдаче ими чужой тайны, ставшей им известной в связи с осуществлением ими профессиональной деятельности. Специалисты в последние десятилетия поднимают вопросы правовой охраны иных аспектов врачебной тайны [22]. Уголовный кодекс Швейцарии в ст. 321 устанавливает аналогичную ответственность и к специальному субъекту помимо лица, осуществляющего определенную профессиональную деятельность, дополнительно относит лиц, получивших сведения во время обучения и прекративших профессиональную деятельность или обучение. Похожие составы можно обнаружить в Уголовном кодексе Германии (§ 203, 204) и других государств.

¹ Уголовный кодекс Японии / науч. ред. и предисл. А.И. Коробеева. СПб. : Юрид. центр Пресс», 2002. С. 90.

Уголовное законодательство ряда государств содержит специализированную норму в отношении разглашения врачебной тайны (Уголовный кодекс Республики Беларусь (ст. 178), Уголовный кодекс Республики Казахстан (ст. 321), Уголовный кодекс Республики Кыргызстан (ст. 145), Уголовный кодекс Туниса (ст. 254)¹, Уголовный кодекс Швейцарии (ст. 321bis), Уголовный кодекс Украины (ст. 145) и др.), признавая высокую общественную опасность этого деяния. Уголовное законодательство Украины также предусматривает ответственность за разглашение сведений о медицинском обследовании для выявления заражения вирусом иммунодефицита человека либо иной неизлечимой инфекционной болезни (ст. 132). Вместе с тем думается, что последнее охватывается понятием врачебной тайны, и криминализация подобного деяния была бы избыточной.

Расширение уголовной ответственности за разглашение охраняемых законом профессиональных тайн в России увеличило бы гарантии соблюдения информационных прав и свобод граждан и организаций, если им причинен значительный ущерб, а также способствовало бы повышению ответственности субъектов профессиональной деятельности и укреплению доверия к ним, что особо важно в условиях развития телемедицины и иных технологических решений в профессиональной сфере.

Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни и конфиденциальности в этой сфере предусмотрена ст.ст. 137 и 139 Уголовного кодекса РФ в аспекте охраны личной и семейной тайны. Непосредственно примыкают к ним ст.ст. 141 и 155, направленные на обеспечение тайны голосования и тайны усыновления (удочерения) соответственно. Однако, затрагивая личную и семейную тайну, нельзя обойти вниманием смежные с ними персональные данные, которые в России пока не получили уголовно-правовой охраны.

Серьезным достоинством Уголовного законодательства Казахстана следует признать введение уголовной ответственности за несоблюдение мер по защите персональных данных обязанным лицом, если это причинило существенный вред правам и законным интересам лиц (ст. 147). Соответствует требованиям времени квалифицированный состав, предусмотренный п. 3 указанной статьи, который помимо использования служебного положения или специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, предусматривает деяние путем незаконного доступа к электронным информационным ресурсам, информационной системе или незаконного перехвата информации, передаваемой по сети. Полагаем, что подобные положения законодательства в условиях информационного общества и цифровизации экономики в России также необходимы.

Обратимся к тайне усыновления. Подход к ней существенно различается по странам. Охрана тайны усыновления характерна для стран постсоветского пространства. Как справедливо отмечает С.Г. Селезнева, «в миро-

¹ Уголовный кодекс Туниса / вступ. ст. и пер. с фр. В.А. Бурковский. М. : Ин-т правовых и сравнительных исслед., 2005. С. 70.

вой практике сложилось два подхода к оценке уголовно-правовой защиты тайны усыновления» [23. С. 103]. Первый поддерживает охрану тайны усыновления вплоть до установления уголовной ответственности за ее разглашение, а другой отвергает эту тайну, обосновывая правом ребенка на информацию о своем происхождении и биологических родителях. Во многих государствах придерживаются второго подхода, и поэтому нормы об уголовной ответственности за разглашение тайны усыновления отсутствуют. Сформировавшаяся общественная позиция, когда невозможность иметь собственных детей подвергалась общественному осуждению, в условиях информационного общества не всегда отвечает требованиям времени. В Национальной стратегии действий в интересах детей¹ в числе мер, направленных на защиту прав и интересов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выделен переход к системе открытого усыновления с отказом от тайны усыновления, что ставит вопрос о необходимости ее уголовно-правовой охраны в Российской Федерации.

В вопросе уголовно-правовой охраны тайн интересны некоторые блоки статей в Уголовном кодексе Азербайджанской Республики², предусматривающие наказание за распространение конфиденциальных сведений о лице, пострадавшем от торговли людьми (ст.ст. 316-1, 316-1.1, 316-1.2, 316-1.3), сведений о мероприятиях, проводимых против легализации денежных средств или другого имущества, полученного преступным путем, или финансирования терроризма (ст.ст. 316-2, 316-2.1), сведений о мероприятиях, проводимых против финансирования терроризма (ст. 316-2.2). Вместе с тем лишь первый блок в определенной мере может обсуждаться в аспекте совершенствования российского уголовного закона, так как иные охватываются охраной государственной тайны.

В российском уголовном законодательстве отдельно следует выделить составы преступлений, которые охватывают различные способы незаконного получения информации (ст.ст. 138.1, 272, 273, 274 Уголовного кодекса РФ). В данной части уголовное законодательство России представляется достаточно развитым по отношению к законодательству других государств. Для сравнения: § 201 Уголовного кодекса Германии предусматривает ответственность за нарушение конфиденциальности разговора посредством записи конфиденциальной информации на магнитофон, в том числе с помощью подслушивающего устройства, а также использование данной записи или доведение ее другому лицу, что выглядит определенным анахронизмом.

Специалистами отмечается, что российское уголовное законодательство не всегда учитывает возможные мотивы разглашения охраняемой за-

¹ О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы : указ Президента РФ от 01.06.2012 № 761 // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/35418>

² Уголовный кодекс Азербайджанской Республики : утв. Законом Азербайджанской Республики от 30.12.1999 № 787-IQ) (с изм. и доп. на 31.05.2016 г.) // Информационные системы Параграф. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252#pos=0;0

коном тайны и их влияние на общественную опасность деяния. Так, рассматривая тайну усыновления (удочерения), А.А. Саматова пишет, что представляется «справедливым и правильным... исключить из диспозиции статьи указание о конкретных мотивах», обосновывая, что мотивы разглашения виновными лицами тайны не имеют значения для защиты интересов ребенка и его приемных родителей. Дополнительно она отмечает необходимость выделения совершения этого деяния из корыстных побуждений в квалифицированный состав [24. С. 289]. Другой аспект этой проблемы отметил М. Вус, который на фоне усиления мер контроля и защиты секретных сведений предлагает дифференцировать уголовную ответственность за разглашение сведений, составляющих государственную тайну, в зависимости от умышленности или неосторожности деяния [25]. Поэтому разумной представляется детализация уголовной ответственности за разглашение соответствующей охраняемой законом тайны посредством введения квалифицирующих признаков, учитывающих неоднократность совершения, последствия деяния и т.д.

На основе рассмотренного выше можно выделить основные нерешенные проблемы уголовно-правовой охраны конфиденциальности сведений, составляющих охраняемую законом тайну: несистемность в формировании составов преступлений, направленных на нарушение правового режима информации ограниченного доступа; необходимость выделения экономического шпионажа и умышленного разглашения коммерческой тайны в отдельные составы преступлений; отсутствие составов преступлений, направленных на охрану правового режима профессиональной тайны, а также персональных данных; недостаточность составов преступлений, связанных с нарушением порядка обращения с конфиденциальными сведениями и использованием их в личных и корыстных целях; необходимость обсуждения возможности декриминализации разглашения тайны усыновления (удочерения) или ее уточнения с учетом мотивов деяния.

Литература

1. Austin L. Privacy and the question of technology // Law and philosophy. 2003. Vol. 22, № 2. P. 119–166.
2. Полякова Т.А. Базовые принципы как основные начала правового обеспечения информационной безопасности // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 3 (55). С. 17–40.
3. Parker J.S. Health information and information access // Information Development. 2003. Vol. 19, № 4. P. 235–236.
4. Селезнёва С.Г. Понятие тайны в уголовном праве // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Право. 2013. № 5 (296). С. 95–98.
5. Папеева К.О. О закономерностях формирования системы тайн в уголовном праве // Четвертые Бабаевские чтения «Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника»: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД России, 2013. С. 159–180.
6. Ефремова М.А. Социальная обусловленность уголовно-правовой охраны информационной безопасности Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 36. С. 222–230.

7. Папеева К.О. Уголовная ответственность за посягательства на государственную тайну в Беларуси, Молдове, Украине и России: сравнительное исследование // Общество и право. 2017. № 1 (59). С. 50–57.

8. Камалова Г.Г. Исторические особенности правовой охраны служебной информации ограниченного доступа (служебной тайны) в советский период // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. 2014. № 2. С. 142–148.

9. Минбалева А.В., Пономарева Ю.В. Модели правового регулирования служебной тайны // Информационное право. 2017. № 4. С. 4–9.

10. Ефремова М.А. Уголовно-правовая охрана сведений, составляющих коммерческую, банковскую и налоговую тайны // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 12 (27). С. 124–132.

11. Lioukina E.A. Institutional arrangements of the trade secrets protection (know-how) at the belarus enterprises // American Journal of Economics and Control Systems Management. 2013. Vol. 2, № 2. P. 025–027.

12. Krotoski M.L. Common Issues and Challenges in Prosecuting Trade Secret and Economic Espionage Act Cases // Economic Espionage and Trade Secrets. 2009. Vol. 57, № 5. P. 2–23.

13. Biger N., Plaut S.E. Trade secrets, firm-specific human capital, and optimal contracting // European Journal of Law and Economics. 2000. Vol. 9, № 1. P. 51–73.

14. Thomas M. Apke. International protection of trade secrets when using the Internet // Management Decision. 2003. Vol. 41, № 1. P. 43–47.

15. Wallach L. Trade secrets // Foreign Policy. 2004. № 140. P. 70–71.

16. Bhattacharya S., Guriev S. Patents vs. Trade secrets: knowledge licensing and spillover // Journal of the European Economic Association. 2006. Vol. 4, № 6. P. 1112–1147.

17. Di Grazio J.A. Professional responsibility considerations of advising the corporate client on the parent/trade secret interface // Intellectual Property & Technology Law Journal. 2001. Vol. 13, № 5. С. 5–7.

18. Полякова Т.А. Правовое обеспечение информационной безопасности и цифровая экономика // Право и экономика: междисциплинарные подходы в науке и образовании : IV Моск. юрид. форум XII Междунар. науч.-практ. конф. (Кутафинские чтения) : материалы конф. : в 4 ч. М. : РГ-Пресс, 2017. С. 164–171.

19. Гутник С.И. Противодействие использованию инсайдерской информации уголовно-правовыми методами: потенциальные проблемы и противодействия // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2014. № 1 (38). С. 224–226.

20. Петросян К.Р. К вопросу о совершенствовании уголовного законодательства об ответственности за нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений // Юрист-Правоведь. 2011. № 5 (48). С. 121–123.

21. Яковлев А.Н. Правовой статус цифровой информации, извлекаемой из компьютерных и мобильных устройств: «электронная почта» // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 4. С. 42–48.

22. Breyer H.G. Protection of confidential data in the statutory accident insurance, seen from the physician's angle // Trauma und Berufskrankheit. 2000. Vol. 2, № 7. P. S345–S348.

23. Селезнева Г.В. Проблемы уголовной ответственности за разглашение тайны усыновления по законодательству отдельных зарубежных стран // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 11 (302). Право. Вып. 36. С. 103–105.

24. Саматова А.А. Уголовная ответственность за разглашение тайны усыновления (удочерения): проблемы теории и практики // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 4. С. 288–290.

25. Юршина М. Часть гостайны станет явной. В Госдуме планируют исключить служебную информацию из категории гостайны // Известия. 2017. 17 окт. URL: <https://iz.ru/659286/marina-iurshina/gostain-mozhet-stat-menshe>

Kamalova Gultia G., Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation)

CRIMINAL LIABILITY FOR BREACH OF CONFIDENTIALITY REGIME IN RUSSIAN AND FOREIGN LEGISLATION

Keywords: restricted information, confidentiality, criminal liability.

DOI: 10.17223/22253513/40/4

The subject of the work is the status and prospects of criminal law liability for various violations of the special legal regime of legally protected secrets. Considering the specifics of criminal liability for violation of confidentiality of information, experts traditionally focus on certain legally protected secrets and a detailed analysis of the relevant corpus delicti, which does not allow to cover the problem of protection of information of limited access by criminal law means as a whole.

The author of this article performed a comprehensive legal analysis of criminal liability for violation of legal regime of secrets protected by law and other restricted information on the basis of a set of unlawful acts of non-compliance with the requirements of the regime. Methodologically, the study is based on a set of modern general scientific and private legal methods. It is based on the comparative legal method, which allows to compare the norms of criminal legislation of Russia, CIS countries, European and other states.

The author draws attention to the existing differences and notes that some provisions of the modern Russian criminal law do not meet the requirements of the time, modern challenges and threats of the global information society in the conditions of building a digital economy. Based on a generalized analysis of the regulatory legal framework of the Russian Federation, foreign states and existing doctrinal views, the conclusion is made about the unsystematic composition of crimes aimed at violating the legal regime of secrets protected by law and other information of limited access. The author additionally notes the need to separate economic espionage and intentional disclosure of trade secrets into separate corpus delicti. Certain shortcomings of the Russian criminal law is the lack of corpus delicti aimed at the protection of legal regimes of professional and official secrets, personal data. Taking into account changes in the attitude to the institution of adoption and global trends in the protection of children's rights, the possibility of decriminalisation of the disclosure of adoption secrets in modern conditions has been argued. The above and other problems identified in Russian criminal law with regard to the protection of legally established secrets and other restricted information are aimed at improving criminal legislation.

References

1. Austin, L. (2003) Privacy and the question of technology. *Law and Philosophy*. 22(2). pp. 119–166. DOI: 10.1023/A:1023906406866
2. Polyakova, T.A. (2016) Bazovye printsiipy kak osnovnye nachala pravovogo obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti [Basic principles of information security legal support]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*. 3(55). pp. 17–40.
3. Parker, J.S. (2003) Health information and information access. *Information Development*. 19(4). pp. 235–236.
4. Selezneva, S.G. (2013) Ponyatie tayny v ugovnom prave [The concept of secrecy in criminal law]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pravo*. 5(296). pp. 95–98.
5. Papeeva, K.O. (2013) O zakonornostyakh formirovaniya sistemy tayn v ugovnom prave [On the formation patterns of system of secrets in criminal law]. *Gosudarstvenno-pravovye zakonornosti: teoriya, praktika, tekhnika* [State Legal Patterns: Theory, Practice, Technology]. Proc. of the Fourth Babaev Readings. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs of Russia. pp. 159–180.

6. Efremova, M.A. (2017) Social Conditionality of Criminal Law Protection of Information Security in the Russian Federation. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Perm University Herald. Judicial Sciences*. 36. pp. 222–230. (In Russian). DOI: 10.17072/1995-4190-2017-36-222-230
7. Papeeva, K.O. (2017) Criminal responsibility for encroachments on state secrets in Belarus, Moldova, Ukraine and Russia: comparative research. *Obshchestvo i pravo – Society and Law*. 1(59). pp. 50–57. (In Russian).
8. Kamalova, G.G. (2014) Istoricheskie osobennosti pravovoy okhrany sluzhebnoy informatsii ogranichenного доступа (sluzhebnoy tayny) v sovetskiy period [Historical features of legal protection of official information of limited access (official secrets) in the Soviet period]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Ekonomika i pravo – Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*. 2. pp. 142–148.
9. Minbaleev, A.V. & Ponomareva, Yu.V. (2017) Models of legal regulation of official secrets. *Informatsionnoe pravo – Information Law*. 4. pp. 4–9. (In Russian).
10. Efremova, M.A. (2015) The Protection of Information Constituting Commercial, Tax and Banking Secrecy by Means of Criminal Law. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Perm University Herald. Judicial Sciences*. 12(27). pp. 124–132. (In Russian). DOI: 10.17072/1995-4190-2015-1-124-132
11. Lioukina, E.A. (2013) Institutional arrangements of the trade secrets protection (know-how) at the belarus enterprises. *American Journal of Economics and Control Systems Management*. 2(2). pp. 025–027.
12. Krotoski, M.L. (2009) Common Issues and Challenges in Prosecuting Trade Secret and Economic Espionage Act Cases. *Economic Espionage and Trade Secrets*. 57(5). pp. 2–23.
13. Biger, N. & Plaut, S.E. (2000) Trade secrets, firm-specific human capital, and optimal contracting. *European Journal of Law and Economics*. 9(1). pp. 51–73.
14. Apke, T.M. (2003) International protection of trade secrets when using the Internet. *Management Decision*. 41(1). pp. 43–47. DOI: 10.1108/00251740310452907
15. Wallach, L. (2004) Trade secrets. *Foreign Policy*. 140. pp. 70–71.
16. Bhattacharya, S. & Guriev, S. (2006) Patents vs. Trade secrets: knowledge licensing and spillover. *Journal of the European Economic Association*. 4(6). pp. 1112–1147. DOI: 10.1162/JEEA.2006.4
17. Di Grazio, J.A. (2001) Professional responsibility considerations of advising the corporate client on the parent/trade secret interface. *Intellectual Property & Technology Law Journal*. 13(5). pp. 5–7.
18. Polyakova, T.A. (2017) Pravovoe obespechenie informatsionnoy bezopasnosti i tsifrovaya ekonomika [Legal support of information security and digital economy]. *Pravo i ekonomika: mezhdistsiplinarnye podkhody v nauke i obrazovanii* [Law and Economics: Interdisciplinary Approaches in Science and Education]. Proc. of the Fourth Law Forum (The Kutafin Readings). Moscow: RG-Press. pp. 164–171.
19. Gutnik, S.I. (2014) Protivodeystvie ispol'zovaniyu insayderskoy informatsii ugovolno-pravovymi metodami: potentsial'nye problemy i protivodeystviya [Counteraction to the use of insider information by criminal law methods: potential problems and counteractions]. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Pravo – Herlad of Omsk University. Law*. 1(38). pp. 224–226.
20. Petrosyan, K.R. (2011) K voprosu o sovershenstvovanii ugovolnogo zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za narushenie tayny peregiski, telefonnykh peregovorov, pochtovykh, telegrafnykh i inykh soobshcheniy [On the issue of improving the criminal legislation on liability for violation of the secrecy of correspondence, telephone conversations, postal, telegraph and other messages]. *Yurist"-Pravoved"*. 5(48). pp. 121–123.
21. Yakovlev, A.N. (2014) Pravovoy status tsifrovoy informatsii, izvlekaemoy iz komp'yuternykh i mobil'nykh ustroystv: “elektronnaya pochta” [Legal status of digital information retrieved from computer and mobile devices: “e-mail”]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii – The Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 4. pp. 42–48. (In Russian).

22. Breyer, H.G. (2000) Protection of confidential data in the statutory accident insurance, seen from the physician's angle. *Trauma und Berufskrankheit*. 2(7). pp. S345–S348.

23. Selezneva, G.V. (2013) Problemy ugovnoy otvetstvennosti za razglashenie tayny usynovleniya po zakonodatel'stvu otdel'nykh zarubezhnykh stran [Problems of criminal liability for divulging the secrets of adoption under the legislation of certain foreign countries]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*. 11(302). pp. 103–105.

24. Samatova, A.A. (2011) Ugolvnaya otvetstvennost' za razglashenie tayny usynovleniya (udochereniya): problemy teorii i praktiki [Criminal liability for divulging the secrets of adoption (adoption): problems of theory and practice]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava – Actual Problems of Economics and Law*. 4. pp. 288–290.

25. Yurshina, M. (2017) Chast' gostayny stanet yavnoy. V Gosdume planiruyut isklyuchit' sluzhebnyuyu informatsiyu iz kategorii gostayny [Part of the state secrets will become apparent. The State Duma plans to exclude official information from the category of state secrets]. *Izvestiya*. 17th October. [Online] Available from: <https://iz.ru/659286/marina-iurshina/gostain-mozhet-stat-menshe>